

ТЕКСТ.
КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2012

№ 2

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1

В.С. Киселев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ» (статья вторая)¹

Статья посвящена описанию идеологического контекста «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», изданного князем Н.М. Кукушевым в 1814 г. Выявляются интертекстуальные и содержательные переклички текстов антологии с официальными идеологическими документами Отечественной войны (высочайшими манифестами, указами, обращениями). Прослеживаются основные этапы стихотворно-идеологического осмысления военных событий от провозглашения особой роли нации в защите Отечества до перенесения заслуг по освобождению на императора и государство и финального признания Божественного промысла ведущей силой победы над французами.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., лирика, идеология.*

В период заграничных походов 1813–1814 гг. одический подход к образу царя в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» приобрел особую монументальность, оказав влияние даже на Н.М. Карамзина, который в «Освобождении Европы и славе Александра I» создал на основе ходовых риторических приемов величественную панораму падения Наполеона и возвышения российского монарха²:

В сем общем, радостном волненье,
Царей, героев прославление,
Чье имя первое в устах?
Кому гремят вселенной лики?
Без лести в искренних хвалах,
Дают название: Великий!
И с Александром торжествуй! [3. Ч. 2. С. 206–219].

¹ Статья подготовлена при финансовом содействии гранта РГНФ 11-04-00022а и гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых МД-3069.2011.6.

² См. также о его замыслах обобщающего труда по истории войны 1812 г. [1; 2. С. 162–163].

Не остались в стороне и представители младшего поколения карамзинистов – А.Ф. Воейков («К Отечеству», «Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому»), В.А. Жуковский («Князю Смоленскому»), П.А. Вяземский, чья «Надпись к портрету Александра I» позднее выступила предметом иронического переосмысления арзамасцами за свою высокопарность:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель,
Какой венец ему? Какой ему алтарь?
Вселенная! Пади пред ним, он твой спаситель;
Россия! Им гордись — он сын твой, он твой царь! [3. Ч. 2. С. 221].

В произведениях литераторов второго ряда сотериологическая сакрализация монарха приобретала уже гипертрофированные черты [4], как в надписи Ф.Ф. Кокошкина «К изображению беспримерного во владыках Александра I»:

Боголюбивый царь, и царь любимый Богом,
Блаженства, славы нам ниспосланный залогом,
Освободивый днесь полсвета от оков!
Ты выше всех похвал, ты выше всех венцов!
Тебе бы древний мир храм божеский поставил,
И гимнами тебя, как божество, в нем славил;
Но царь наш, наш герой, в смиреннии велик:
Живет в сердцах – в хвалах и нужды не имеет:
Дела его гласить и Пиндар онемее;
И хижина есть храм, где Александра лик! [3. Ч. 2. С. 222].

Тем не менее, будучи вызвана к жизни и обрета хотя бы временную монархическую легитимацию, концепция нации как единого и действенного начала уже не могла потерять актуальность, особенно на фоне сбора ополчения и развернувшейся партизанской войны. Причем если первый происходил с санкции императора, то вторая была событием стихийным и не поддающимся строгому контролю. С точки зрения власти, даже ополчение мыслилось мерой вспомогательной и временной, охватывающей лишь узкую часть населения в некоторых губерниях, о чем гласил манифест от 18 июля 1812 г.:

Вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устроенное из предосторожности в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения отечества. Каждый из военнначальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается

к перемене одежды, и по прошествии надобности, то есть, по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям [5. С. 16].

Однако развернувшееся общественное движение превратило ополчение из подручного средства армии в символ всей Отечественной войны, в наглядную репрезентацию общей судьбы и единой воли всего народа. Знаменательно, что именно в духе этой риторики докладывал императору генерал-адъютант Ф.О. Пауллуччи уже 26 июля 1812 г. «По велению Вашего Императорского Величества ознакомился с организацией Московской военной силы, которая мне показалась не только соответствующей *духу и характеру нации*, но и вполне способной выполнить свое назначение <...>» (курсив наш. – В.К.) [5. С. 16].

В «Собрании...» можно выделить целый блок стихотворений, посвященных как правительственному манифесту об ополчении, так и участию ополченцев в военных действиях. К числу первых, в основном воспроизводящих официальную риторику и круг сюжетов (Минин, Пожарский, жертва за царя), относятся «Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества июля 15 дня 1812 года» Н.М. Кугушева, анонимные «Стихи по случаю собрания дворянства и купечества в Слободском дворце июля 15, 1812 года» и «На манифест, данный в Москве 18 июля 1812 года», «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» С.Н. Глинки и некоторые другие. Вторые гораздо более разнообразны и рисуют ополченцев как самостоятельную патриотическую силу, выражающую волю нации («Песнь соотечественникам по прогнании злодеев из земли русской» А.А. Никитина, «Солдатская песня» И.А. Кованько и Н.И. Ильина, «Жертва храбрым Россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани» Н.М. Кугушева, «Песнь русского воина перед сражением» Н.Ф. Грамматина, «На возвращение ополчения» Д.И. Хвостова, «Песня ратников санкт-петербургского ополчения» М.С. Шулепникова и др.). Тема национального сопротивления возвышается здесь нередко до утверждения равенства царя и народа, как в «Любви к Отечеству» А.А. Писарева:

Успех во всем, коль свято чтимы
Права граждан, народов честь;
Коль власти истиной водимы,
Коль трону предстоит не лезть,
Но верных груди для защиты,
Не гнувших выи под ярем...
Цари народом знамениты,
Народ блажен царем! [3. Ч. 2. С. 47–49].

А.Х. Востоков в дифирамбе «К россиянам» не менее высоко ценит подвиг защитников Отечества, делая их символом нации наряду с императором и его полководцами:

Но изочту ль вас всех, герои знамениты,
Которыми враги отражены, разбиты,
И коих доблестью Россия спасена?
Священны ваши имена
У благодарного останутся потомства [3. Ч. 1. С. 105–106].

Снятие границ между ополченцами и регулярной армией, нужно заметить, – характерная черта общественного сознания и литературы 1812 г. Массовое участие представителей различных сословий в военных действиях размыло корпоративную замкнутость офицерства, обнаружившего, в свою очередь, прямую сопричастность уже не столько с властью, чей базой и кадровым резервом было со времен Петра I [6], сколько с обществом. Это в полной мере ощутили офицеры, вынужденные включиться в стихийную партизанскую борьбу, где приходилось устанавливать контакты с населением. В результате, как писал позже Д.В. Давыдов в «Дневнике партизанских действий 1812 года», «я на опыте узнал, что в народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях, и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным» [7]. Но даже не при столь радикальном подходе восприятие себя частью нации, выполняющей общую миссию со всем народом, было, безусловно, присуще офицерам и солдатам 1812 года [8], также как и соответствующее отношение к армии у невоенного населения, выразившееся в «Чувствованиях россиянки, возбужденных победами российских войск над бегущим врагом Отечества» А.А. Волковой, в анонимном «Певце на гробах братьев-воинов россиян», «Песне к русским воинам» Н. Астафьева, «Чувствованиях

калужских жителей по приезду генерала Милорадовича» А.П. Степанова и др.

Из коллективного образа армии выделялись индивидуальные портреты, очень скоро начавшие складываться в новый национальный пантеон героев во главе с М.И. Кутузовым. В них уже нельзя видеть проекции исключительно государственной миссии, отблеска монаршей славы, они воплощали черты общей судьбы и национального характера. Подобные персональные блоки легко вычлениаются в «Собрании» применительно к М.И. Кутузову, получившему знаменательное имя «спасителя Отечества», М.А. Милорадовичу, П.И. Багратиону, П.Х. Витгенштейну, А.И. Кутайсову, Я.П. Кульневу, Н.Н. Раевскому, но, пожалуй, самый совершенный и художественно убедительный образец пантеона героев 1812 г. создал В.А. Жуковский в «Певце во стане русских воинов», окружив его символикой национального единения и интимно-лирически акцентировав основные компоненты национального сознания: память предков («Сей кубок чадам древних лет! // Вам слава, наши деды!» [3. Ч. 1. С. 39]) и герои-защитники нации (Святослав, Дмитрий Донской, Петр I, Суворов), малая родина, семья, дом («Отчизне кубок сей, друзья! // Страна, где мы впервые // Вкусили сладость бытия...» [3. Ч. 1. С. 41]), отечественная литература («Сей кубок чистым Музам в дар!» [3. Ч. 1. С. 53]). В подобном контексте куплетно раздвигающийся ряд здравниц во славу живых и павших воинов-героев становился основой нового национального канона, источником нарождающейся исторической мифологии¹.

Идеологический фон ее составляет картина всеобщего героизма русских, жертвующих своим имуществом, домом, семьей и жизнью во имя спасения Отечества. Рассказами подобного рода полнились журналы 1812 г. Так, в «Русском вестнике» С.Н. Глинки прославлялись многочисленные случаи патриотического самопожертвования: «Усердие русского купечества к военнослужащим» (1812. Ч. 19. № 9), «Подвиг смоленского дворянина Петра Николаевича Ключкова», «Пожертвование и великодушное терпение смоленского дворянина и отца семейства Николая Михайловича Калячитского» (Там же), «Верный смоленский служитель Давид Алексеев» (все –

¹ См. подробнее об идеолого-историческом смысле «Певца» работы [9, 10, 11].

1812. Ч. 20. № 10) и т.д. Не меньше таких сюжетов предлагал «Сын отечества» Н.И. Греча, где мы найдем, например, рассказ о капитане Р.И. Захарове (сражался под Бородином), который, будучи раненым, отослал на линию огня двух несших его канониров («Вы там нужны, а меня и двое как-нибудь доволокут!» [49]), или о раненом гренадере, не понимавшем, почему лекарь щупает ему спину («ведь я шел грудью!» [12]).

В «Собрании...» стихов о личном героизме было не меньше. Тот же Р.И. Захаров удостоился героической эпитафии А.П. Бунинной «На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова»

Узря простерта на плаще меня,
Не сетуйте, родители любезны!
И мрачну горсть прогона,
Отрите токи слезны!
<...> Днесь к Богу отошел
Принять за подвиг мой награду.
А ты, о юный друг моей души!
Оставшемусь тебе в отраду
Младенцу нашему внуши,
На ранню указав мою могилу:
Сколь сладко смерть вкусить за родину нам милу!
[З. Ч. 1. С. 246–247].

Еще более колоритный эпизод вызвал к жизни «Стихи на подвиги двух смоленских помещиков Энгельгарда и Шубина, и на монаршие щедроты, излинные на них» А.И. Писарева. В «Сыне отечества» за 1813 г. [13] описывалась героическая смерть подполковника Павла Энгельгарда, не покинувшего свое поместье под Смоленском после вторжения французов и организовавшего партизанское сопротивление, за что он вместе с коллежским асессором Шубиным был судим и казнен, не выказав страха даже в последний момент. Подвиг их был замечен и награжден императором Александром, о чем гласил указ Сенату, напечатанный в том же «Сыне отечества» [14].

Сыны отечества, защитники державы!
Се подвигам пример, щедротам образец!
Воззрите: Энгельгард, ревнуя вечной славы,
За отчество вкусил страдальческий венец;
Ни улещения, ни вражески угрозы
Не в силах Шубина к измене преклонить:
Все муки – радости, и терния – им розы –

За веру и царя покаявшись кровь пролить.
Отечество заслуг толиких не забудет,
Скрыжаль потомственна сих дел не умолчит;
Семейство и родня их славою жить будет,
Признательный монарх героев вновь творит... [3. Ч. 1. С. 237].

В совокупности эти материалы журналов, а в «Собрании...» – стихи о подвигах россиян разных сословий от дворян-полководцев до купцов и мещан создавали образ единой патриотически настроенной нации, не учитывать который официальная идеология уже не могла. И действительно, уже в манифесте от 3 ноября 1812 г., составленном А.С. Шишковым, народ представлен главным деятелем войны, защитником Отечества:

Внимая с отеческим чадолубием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигам любезных наших верноподданных, в начале приносим мы теплое и усердное благодарение источнику и подателю всех отрад, Всемогущему Богу; потом, торжественно от лица всего Отечества изъявляем признательность и благодарность нашу всем нашим верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения и главною частию или истреблены, или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почетное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ – мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени собранные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твердая грудь их и смелая рука с тою же неустрашимостью расторгала полки неприятелей, с какою за несколько пред тем недель раздирала плугом поля. <...> Между тем, почитаем за долг и обязанность сим нашим всенародным объявлением изъявить пред целым светом благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу российскому [15].

Тем не менее, как констатировал Р. Уортман, «обстоятельства, заставившие самодержавного монарха вступить в союз с народными массами, поставили его лицом к лицу с проблемой примирения самодержавного правления с принципом верховной власти народа. Включение народа в императорский сценарий угрожало образу царя как высшей силы, дарованной ее носителю извне или свыше и санкционированной иноземным влиянием, божественным соизволением или, наконец, разумом. С социальной точки зрения

невозможно было представлять народ в качестве движущей силы истории в сценарии, прославлявшем власть монарха, как идеализацию правящей элиты» [16. С. 295]. Этот идеологический диссонанс был устранен достаточно быстро, уже к концу 1812 – началу 1813 г., когда война из народной и оборонительной превратилась в наступательную и «профессиональную». Это вернуло в центр внимания образ императора. Смерть М.И. Кутузова, «спасителя Отечества», 16 апреля 1813 г. еще более способствовала концентрации сотериологического дискурса на Александре I, который в ходе заграничных походов становился уже не столько главой нации, сколько освободителем европейских народов, новым светочем христианского мира.

Индикатором этой перемены служит в поэтическом плане трансформация мотивного пласта, связанного с библейской семантикой. Она активно моделировала репрезентацию событий Отечественной войны [17. С. 89–99; 53], однако до 1813 г. в основном сосредоточивалась вокруг сюжета об избранном Богом народе и его борьбы против оккупантов-иноверцев («Молитва израильского народа во время нашествия Сеннахеримова воинства на Иерусалим» Н.М. Шатрова, «Песнь на поражение галльского фараона, посвященная знаменитому покровителю сочинителя, его превосходительству, Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову» А. Урываева, «Стихи в день Богоявления Господня» А. Кулакова, «На совершение истребления неприятельских войск в пределах России: Подражание 78 псалму» А.А. Писарева и др.). Подобные мотивы легко сочетались с изображением патриотического подъема и общенационального подвига, причем не только в светской литературе, но и в церковных проповедях, выполнявших в 1812 г. роль средств коммуникации и мобилизации необразованного населения империи [18]. В их контекст органично включался и образ императора, выступавший водителем и спасителем избранного народа (Моисей, Давид).

Настал ужасный час отмщенья!
Уже врагам ты казнь изрёк,
И наших стран для защищенья
Меч правосудия извлек;
Послал на землю серафима
Внушить царю Ерусалима,
К оружию народ воззвать,
Составить грозныя дружины
И под щитом твоей судьбины,
Сразить иноплемennу рать [3. Ч. 1. С. 62].

Однако новая идеологическая ситуация, связанная с заграничными походами, потребовала уже не национальных, а универсальных образов, снимавших в том числе и акцент с народных заслуг по освобождению отечества и переносивших его на безличный Божественный Промысел – и императора как помазанника Божия и исполнителя Его воли. В официальном дискурсе подобная трансформация свершилась уже к Рождеству 1812 г. в манифесте об изгнании французов из России, где утверждалось:

Зрелище погубили войск его невероятно! Едва можно собственным глазам своим поверить. Кто мог сие сделать? Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующего над войсками нашими знаменитого полководца, принесшего бессмертные Отечеству заслуги; ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием; ни вообще у сего храброго Нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. Итак, да познаем в великом деле сем промысел Божий. Повергнемся пред Святым его Престолом, и видя ясно руку его, покаравшую гордость и злочество, вместо тщеславия и кичения о победах наших, научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными законов и воли исполнителями... [19].

Пройдя через многие правительственные религии, формула Божественного спасения, для которого и народ, и армия, и император выступали лишь орудиями, нашла свое каноническое закрепление в «Рассуждении о нравственных причинах неимоверных успехов наших в войне с французами 1812 года» московского архимандрита Филарета (В.М. Дроздов). Эта концепция прокладывала путь к идеологии Священного союза, начавшей подспудно складываться уже к 1813 г. [20. С. 143–202; 21. С. 267–296; 22, 23].

Вне нового контекста не осталась и литература, где образ Божественного щита присутствовал с первых дней войны. В период заграничных походов он приобрел доминирующий характер, соединившись с образом Александра-Мессии, как в «Оде на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» П.В. Голенищева-Кутузова:

Царь россов! Царь сердец полсвета!
Ты наших радостей вина:
Не ты ли мудростью совета
Прославил наши знамена?
<...> Тобой Европа ограждена

Избегнет козней и коварств;
 Тебе самим Творцом вручена
 Судьбина и царей и царств <...>
 Россия, Богом огражденна,
 Пред ним колена преклони!
 Ты им избавлена, спасенна,
 Ты им вкушаешь сладки дни;
 Ты паки шествуешь к покою;
 Низвержен враг его рукою.
 Не Бог ли стер кичливый рог?
 Не он ли слезы отирает?
 Не он ли россов утешает?
 Благословен Господь наш Бог! [3. Ч. 1. С. 31–32, 33].

Так завершился первый цикл вхождения в отечественную идеологию и литературу представления о нации, вначале мощно заявившего о себе на волне патриотического подъема и набиравших силу националистических устремлений, но потом вынужденного уступить консервативной традиции имперского дискурса, обогатившегося в послевоенные годы символикой христианского универсализма.

Литература

1. *Пигарев К.В.* Неосуществленный замысел Карамзина // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 293.
2. *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.
3. *Собрание стихотворений*, относящихся к незабвенному 1812 году: в 2 ч. М., 1814.
4. *Давыдова [Пастернак] Е.Е.* Образ Александра I в русской литературе его времени (1777–1825): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
5. *Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.*: сб. документов. М., 1962.
6. *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 230–231.
7. *Давыдов Д.В.* Стихотворения. Проза. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. М., 1987. С. 192.
8. *Целорунго Д. Г.* Русские офицеры – участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование. М., 2001.
9. *Лотман Ю.М.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 601–611.
10. *Янушкевич А. С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Вып. 9. Томск, 1983. С. 3–23.

11. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. Стихотворения, 1797–1814. М., 1999. С. 595–605.
12. Сын отечества. 1812. Ч. 2, № 8. С. 83.
13. Сын отечества. 1813. Ч. 3, № 4. С. 195–195.
14. Сын отечества. 1813. Ч. 9, № 40. С. 81–82.
15. Высочайший манифест об изъявлении российскому народу благодарности за спасение Отечества // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 17–24. С. 146.
16. Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002.
17. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999.
18. Мельникова Л.В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 г. М., 2002.
19. Манифест о принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского // Высочайшие указы и манифесты, относящиеся к войне 1812 г. СПб., 1912. С. 15–16.
20. Martin A.M. Romanticism, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I. DeKalb, 1997.
21. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
22. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 691–725.
23. Ghervas S. Réinventer la tradition. Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance. Paris, 2008.